

Византийский временник,
1900, т. 7, вып. 3, отд. 3, с. 614-620.

Василій Васильевичъ Болотовъ.

† 5 апрѣля 1900 года¹⁾.

Въ великую субботу текущаго года на Никольскомъ кладбищѣ Александроневской Лавры было предано землѣ тѣло почившаго ординарнаго профессора СПБ. Духовной Академіи по кафедрѣ общей церковной исторіи, доктора церковной исторіи, д. с. с. Василія Васильевича Болотова. Множество учениковъ, товарищей и почитателей покойнаго проводили тѣло его до послѣдняго жилища, и всѣ—можно смѣло сказать: безъ исключенія—объяты были однимъ чувствомъ: чувствомъ горькой, незамѣнимой утраты, чувствомъ какого то почти озлобленія на судьбу, унесшую изъ среды живыхъ, безвременно и повидному внезапно, всего на 47-мъ году жизни, рѣдкаго человѣка и великую научную силу.

Прилагая къ покойному эти эпитеты, мы хорошо знаемъ, что дѣлаемъ. Мы были бы крайне огорчены, еслибы какой нибудь читатель, незнако-

1) Нѣкоторыя біографическія данныя взяты нами изъ 16-го номера «Церковнаго Вѣстника» за текущій годъ; этотъ № весь посвященъ памяти почившаго ученаго. Тамъ-же читатель найдетъ и полный списокъ печатныхъ трудовъ его.

мый близко съ личностью и дѣятельностью Василія Васильевича, увидѣлъ бы въ нихъ хотя малѣйшее преувеличеніе *ad majorem defuncti gloriam*, обычное въ некрологахъ. Еще при жизни В. В. высокоавторитетные судьи не сомнѣвались прилагать къ нему эти эпитеты; среди такихъ цѣнителей его былъ и нашъ незабвенный Вас. Григ. Васильевскій. Называя покойнаго Болотова великой научной силой, мы говоримъ, можетъ быть, слишкомъ мало, но никакъ не много. Великая научная сила — это великій ученый *въ возможности*; называя такъ человѣка, мы какъ бы говоримъ, что онъ, по своей эрудиціи и дарованіямъ, *могъ бы* составить эпоху въ наукѣ, еслибы не тѣ или нѣвыя условія. Въ этомъ, въ приложеніи къ Болотову, поспитиѣ не можетъ быть никакихъ сомнѣній. Но, можетъ быть, когда сочиненія покойнаго будутъ изданы въ свѣтъ цѣликомъ; когда ученый міръ познакомится съ его посмертными трудами, а также съ его превосходными академическими курсами; когда умственное наслѣдство покойнаго, какъ его фактическія открытія, такъ и его взгляды и методъ, станутъ столь доступны и извѣстны всѣмъ, какъ они того заслуживаютъ — кто знаетъ, можетъ быть они и введутъ науку церковной исторіи въ новую эру, по крайней мѣрѣ, въ нашемъ отечествѣ, и за Болотовымъ утвердится тогда титулъ великаго ученаго. Правда, самъ покойный о переворотахъ въ наукѣ думалъ меньше всего. Складъ его ума и дарованія располагалъ его преимущественно къ критической работѣ. Знакомый до тонкости какъ съ источниками, такъ и съ построенными на основаніи ихъ историческими представленіями о религіозно-бытовой жизни Европы и западной Азіи съ Египтомъ, отъ сѣдой старины и до нашихъ временъ, онъ ясно видѣлъ ихъ слабыя стороны: неполноту и неразработанность первыхъ, и какъ слѣдствіе, недоказанность, неточность, фантастичность и во многихъ случаяхъ — завѣдомую ложность вторыхъ; и вѣроятно потому детальную, математически точную (т. е. по крайней мѣрѣ съ точнымъ указаніемъ предѣловъ возможной ошибки) разработку хотя бы крохотнаго вопросика онъ ставилъ выше блестящихъ широкихъ концепцій, на развитіе которыхъ уходитъ иногда цѣлая жизнь ученаго, и которыя однако, при пристальной критикѣ ихъ фактической основы, нерѣдко разсыпаются въ прахъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ ни въ знакомствѣ съ этими концепціями, ни въ умѣнн цѣнить ихъ, какъ созданія стремящагося къ обобщеніямъ разума, ни наконецъ въ творческой способности въ этомъ самомъ направленіи не откажетъ, думаемъ, Болотову никто изъ его знавшихъ. Благодаря этому онъ, страстный любитель и мастеръ этой «исторической микрографіи» или «целюярной исторіи», никогда не упустилъ изъ вида, что идеальная цѣль науки есть обобщеніе; и потому «за каждой его фразой чувствуется широкая общенсторическая почва»¹⁾, и онъ никогда не впадалъ въ изслѣдованіе «на какой цѣкѣ была родинка у Игоря», то есть, вопросовъ, очевидно безразличныхъ для цѣлей научнаго обобщенія.

1) Выраженіе И. Е. Троицкаго.

Такъ ореографическій его этюдъ о т. наз. «параволанахъ»¹⁾ (по Василю Васильевичу οi παρβαλαναί indeclinabile) имѣеть, повидимому, одну цѣль — разбить утвердившееся негѣпное правописаніе этого слова; но, когда читатель добирается до конца этюда, онъ съ изумленіемъ чувствуетъ, что ему дано гораздо больше, чѣмъ обѣщано—дана яркая картина братства «трудниковъ» въ Александріи, его происхожденія и дѣятельности, и доказано, что этихъ паравалавінцевъ, вопреки обычному мнѣнію, нигдѣ, кромѣ Александріи, не было. Въ статьѣ «День и годъ мученической кончины св. Евангелиста Марка»²⁾ читатель съ трудомъ и вмѣстѣ съ восхищеніемъ слѣдитъ за блестящими эрудиціей и остроуміемъ выкладками автора сперва по анализу и критикѣ актовъ св. Марка, а затѣмъ по хронологіи и астрономіи, испытывая чувство робкаго путника на головоломной горной тропинкѣ, идущаго на буксирѣ вслѣдъ за бодрымъ, увѣреннымъ въ себѣ проводникомъ; но когда онъ видитъ себя приведеннымъ къ неожиданному и неограниченному результату: *ап. Маркъ убитъ въ Александріи 4 апрѣля 63 г. нашей эры*, — то громадная важность этого результата вдругъ встаетъ передъ его сознаниемъ. Если св. Маркъ убитъ въ 63 г. въ Александріи, то значить его Евангеліе (наше ли, или его прототипъ) писано не позже 62 г.; а если оно писано въ Римѣ, то въ 50-хъ годахъ; значить, переводчикомъ Петра Маркъ былъ въ 50-хъ годахъ, и тогда же ап. Петръ былъ въ Римѣ!... Ища повсюду свѣта, точности и разумныхъ оснований, В. В. сознательно отступалъ иногда отъ принятаго неправильнаго написанія словъ, употребленія знаковъ препинанія и т. д. и иногда подробно и твердо обосновывалъ свое «особое мнѣніе» въ печати. Такова отчасти статья о «параволанахъ», съ примѣчаніемъ 38-мъ о происхожденіи (), . . . , и — — , и ихъ наиболѣе разумномъ и полезномъ употребленіи; таковъ экскурсъ о имени Сердика (невѣрное ходячее правописаніе: Сардика) въ статьѣ «Либерій, епископъ римскій, и сирмійскіе соборы»³⁾. Но и здѣсь чувство живой дѣйствительности всегда удерживало его отъ педантизма. Такъ, онъ протестовалъ противъ правописанія «Теодоритъ, епископъ кирскій», находя, что въ V вѣкѣ говорить о г. Киррѣ (зм. Кирѣ) также странно, какъ въ XIX писать Тѣерь вмѣсто Тверь.

Біографія Василя Васильевича очень небогата внѣшнимъ интересомъ. Онъ родился 1 января 1854 года; отецъ его, дьячокъ оставшковскаго Троицкаго собора, вскорѣ затѣмъ умеръ, и В. В., единственный сыноу матери, былъ на казенный счетъ помѣщенъ въ оставшковское духовное училище и затѣмъ въ тверскую семинарію. Уже здѣсь онъ обращалъ на себя общее вниманіе учителей и товарищей необыкновенной жаждой знанія, исключительной памятью и сильнымъ критическимъ умомъ. Здѣсь онъ, между прочимъ, безъ всякаго руководства изучилъ— и превосходно—

1) См. Христ. Чтеніе 1892, т. 2, стр. 18—37.

2) Христ. Чт. 1893, т. 2, стр. 122—174 и 405—434.

3) Христ. Чт. 1891, т. 1, стр. 511—517.

древне-еврейскій языкъ, что случайно открылось по поводу одной его учебной работы. По окончаніи курса въ семинаріи, въ августѣ 1875 года онъ поступилъ въ СПб. Духовную Академію и тотчасъ же занялъ здѣсь совершенно исключительное положеніе: когда онъ былъ на третьемъ курсѣ, 5 марта 1878 года скончался заслуженный профессоръ Чельцовъ, и совѣтъ Академіи тогда же постановилъ: не замѣщать его кафедры до окончанія курса студентомъ Болотовымъ. Руководителемъ научныхъ занятій его сдѣлался съ этихъ поръ нашъ извѣстный, высокоуважаемый ученый проф. И. Е. Троицкій, съ которымъ В. В. до конца своихъ дней былъ въ самой тѣсной, трогательной, дружбѣ. Весной 1879 года Болотовъ кончилъ курсъ въ Академіи, а уже 28 Октября того же года получилъ степень магистра богословія за сочиненіе «Ученіе Оригена о св. Троицѣ». Эта книга, по глубокому проникновенію автора въ сложный вопросъ, по изумительному званію литературы предмета и твердой научно-критической техники была бы рѣдкимъ явленіемъ въ любой литературѣ; съ трудомъ вѣрится, что она окончена человѣкомъ, едва покинувшимъ студенческую скамью. Проф. Троицкій впоследствии официально призналъ эту диссертацию, по ея научнымъ качествамъ, за докторскую; въ частныхъ же бесѣдахъ выражался, что за нее можно было дать «трехъ докторовъ». Съ этихъ поръ В. В. приступилъ, въ стѣнахъ воспитавшей его Академіи, къ учено-преподавательской дѣятельности, которую оставилъ только со смертію. 24 октября 1885 г. онъ сталъ экстраординарнымъ, 19 октября 1896 г.—ординарнымъ профессоромъ; степени доктора удостоенъ совѣтомъ 21 мая 1896 г., по докладной запискѣ проф. И. Е. Троицкаго, утвержденъ св. Синодомъ 15 юля. О возможности какихъ либо внѣшнихъ перемѣнъ въ своей судьбѣ онъ всегда вспоминалъ почти со страхомъ: до такой степени его настоящая дѣятельность и положеніе отвѣчали запросамъ его духа. Казалось, кромѣ науки и ея преподаванія, для него не существовало ничего. Но зато наукой онъ интересовался въ широчайшемъ смыслѣ слова, на всемъ ея необъятномъ просторѣ, живо сознавая тѣсную связь всѣхъ ея областей; и благодаря этому онъ при личныхъ сношеніяхъ отнюдь не казался человѣкомъ узкимъ, сухимъ; напротивъ, это былъ радушный, увлекательный собесѣдникъ, прекрасный, сердечный руководитель и товарищъ, чуждый всякой тѣни зависти къ чужимъ талантамъ и успѣхамъ; критикъ строгій и безпристрастный къ существу дѣла, но всегда человѣчно-нисходительный къ лицу. Всѣмъ памятно краснорѣчіе В. В. и какъ собесѣдника и какъ профессора; къ этому краснорѣчію какъ нельзя больше подходили слова Шопенгауэра, что «весь секретъ хорошаго стпія состоитъ въ томъ, чтобы человѣку было, что сказать, и чтобы онъ вполне понималъ, что онъ хочетъ сказать»; можно добавить: и чтобы предметъ мысли и рѣчи увлекалъ самого говорящаго.

Эрудиція В. В. была изъ ряду вонъ. Живи онъ въ Византіи, когда нибудь въ VIII или IX вѣкѣ, его за нее, какъ патріарха Фотія, непременно обвинили-бы въ сношеніяхъ съ нечистой силой; а въ наше время

она являлась поразительнымъ свидѣтельствомъ того, какихъ результатовъ достигаетъ феноменальная способность пониманія и усвоенія мыслей и фактовъ въ союзѣ съ пламенной всепоглощающей любовью къ познанію. В. В. до конца своихъ дней былъ способенъ *въ буквальный смыслъ слова* забывать за работой о снѣ и ѣдѣ. Въ послѣднія недѣли жизни, когда болѣзнь не позволяла ему сидѣть, онъ *проставалъ на колыняхъ* дни и ночи на креслѣ передъ письменнымъ столомъ. Не знаешь, бывало, чему больше удивляться: точности, обилію, или разнообразію его свѣдѣній, или той ихъ твердости и, такъ сказать, *привичности* ихъ его уму, благодаря которой онъ, по всякому поводу, во всякую минуту, казалось безъ труда находилъ въ своей умственной сокровищницѣ и быстро комбинировалъ въ твердый и ясный выводъ все, что было нужно въ данный случай. Болотовъ, казалось, не забывалъ ни строки изъ всего, когда либо имъ читаннаго. Онъ зналъ до двадцати языковъ живыхъ и мертвыхъ, европейскихъ и восточныхъ, и зналъ не кое какъ, чтобы только разбирать ихъ грамоту, а до тонкостей ихъ стилиа и діалектологии, съ ихъ исторіей и литературой. Такимъ же специалистомъ являлся онъ по части хронологіи—тутъ онъ едва ли зналъ себѣ соперниковъ въ Россіи. Для хронологіи необходима астрономія; и В. В. сталъ астрономомъ; астрономія покоится на математикѣ—и онъ сталъ математикомъ. Такія же спеціальныя свѣдѣнія онъ проявлялъ и въ исторической географіи, и въ наукѣ о древностяхъ народовъ Востока, грековъ и римлянъ, и въ церковной археологіи и иконографіи, и въ метрологіи; и вмѣстѣ онъ же былъ блестящимъ догматикомъ и историкомъ догмата, умѣвшимъ схватить самыя неуловимыя тонкости богословскихъ системъ, изложить ихъ коротко, точно и до осязательности ясно, указать ихъ смыслъ и значеніе. Благодаря такой эрудиціи, онъ могъ выступать, и выступалъ безъ заносчивости, но смѣло, со своимъ самостоятельнымъ мнѣніемъ противъ величайшихъ научныхъ авторитетовъ въ любой области своего предмета.

Весьма поучительно, какъ сравнительно мало написалъ Болотовъ, при его эрудиціи и при его неустанной работѣ. Μέγα βιβλίον—μέγα κελόν, говаривалъ онъ, и терпѣть не могъ «свѣжеотпечатанной бумаги», разъ она не вноситъ въ науку ничего существенно новаго или вполне твердо обоснованнаго, и только *заслоняетъ* собою лучшія старыя сочиненія на ту же тему. Зато его статьи всѣ безъ исключенія строго отвѣчаютъ требованіямъ, которыя онъ предъявлялъ къ ученой работѣ. По новости выводовъ, а отчасти и вопросовъ, по строгой логичности построенія, скрупулезной полнотѣ аргументаціи и вмѣстѣ отсутствію всего лишняго и посторонняго—всѣ попутныя замѣчанія выдѣлены въ примѣчанія и экскурсы—это образцовыя произведенія. В. В. дѣлалъ все, чтобы не заставлять своихъ читателей трудиться даромъ; но надо сознаться, что изученіе его статей требуетъ серьезнаго труда. Чтобы ихъ понять и оцѣнить, ихъ необходимо изучать строка за строкою; при легкой «перяюстраціи»

черезъ странницу онѣ ничего не дадутъ, кромѣ тумана въ головѣ. Къ необыкновенной сжатости ихъ стили при обилии содержанія присоединяется еще то обстоятельство, что авторъ движется въ своей аргументаціи изъ одной спеціальной сферы въ другую съ молниеносной быстротой и увѣренностью: рѣдкій читатель сразу поспѣетъ за нимъ. Вотъ въ чемъ, по нашему, справедливая сторона довольно часто слышаннаго нами мнѣнія, что «Болотовъ пишетъ тяжело»: въ сущности, не «Болотовъ пишетъ тяжело», а людямъ мевшей, чѣмъ онъ, эрудиціи, труденько поспѣвать за его мыслью. Но кто проработаетъ его статьи до конца, тотъ не останется въ накладѣ: онъ встанетъ отъ чтенія съ пріятной усталостью, какъ отъ роскошнаго умственнаго пра, чувствуя, что предложенныя ему яства всѣ были самаго лучшаго качества и предложены ему въ строго расчитанномъ сочетаніи.

Среди трудовъ В. В. нѣтъ посвященныхъ спеціально византійской исторіи¹⁾; но много цѣнныхъ отдѣльныхъ замѣчалій и частныхъ выводовъ, относящихся къ нашей наукѣ, находится почти во всѣхъ его статьяхъ. Уже въ диссертациі его «Ученіе Оригена о св. Троицѣ» (помимо важной роли, которая принадлежитъ Оригену въ исторіи византійскаго богословія вообще) есть отдѣлъ: «*Историческая судьба ученія Оригена о св. Троицѣ*», гдѣ на стр. 388—435 разбирается исторія отношеній къ Оригену восточнаго богословія до V собора включительно. Далѣе, статьи «Изъ церковной исторіи Египта» объ изданіяхъ Ревилье: «Разказы Діоскора о халкидонскомъ соборѣ»²⁾ и «Архимандритъ тавенисіотовъ Викторъ при Константинопольскомъ дворѣ въ 431 г.»³⁾ имѣютъ для византиниста важность прежде всего потому, что, доказывая неподлинность разбираемыхъ памятниковъ въ прямомъ смыслѣ слова, онѣ предостерегаютъ отъ слѣпого довѣрія къ нимъ, какъ источникамъ исторіи III и IV собора; а въ примѣчаліяхъ къ вып. 1 находится немало детальнаго «очерковъ и набросковъ», уже прямо о взаимоотношеніяхъ православной и монофизитской партій въ имперіи въ V вѣкѣ. Еще тѣснѣе связаны съ нашей дисциплиной статьи В. В.: «Либерій, епископъ римскій, и сирійскіе соборы»⁴⁾ по поводу диссертациі г. Самуилова: «Исторія аrianства на латинскомъ западѣ» (писанной, кстати сказать, подъ руководствомъ В. В.), и его «Theodoretiana—Addenda-corrigenda» и «addendis superaddenda» къ сочиненію г. Н. Н. Глубоковскаго: «Блаженный Феодоритъ, епископъ Киррскій»⁵⁾. Въ первой статьѣ находимъ тщательнѣйшій разборъ во-

1) Кромѣ развѣ «Къ исторіи константинопольской церкви подъ игомъ турецкаго владычества», въ Христіанскомъ Чтеніи 1882 г., т. 1, стр. 188—172 и т. 2, стр. 353—384.

2) Христ. Чт. 1884, т. 2, стр. 581—625, 1885, т. 1, стр. 9—94. Отдѣльно вып. 1.

3) Христ. Чт. 1892, т. 1, стр. 63—89, 335—361, и т. 2, стр. 18—37. Отдѣльно вып. 3.

4) Христ. Чт. 1891 г., т. 1, стр. 304—315, 434—459, 511—517; т. 2, стр. 61—78, 79—109, 266—282, 386—394.

5) Христ. Чт. 1892, т. 2, стр. 58—124, 125—164 и отдѣльно.

проса о томъ, ради какого вѣроизложенія папа Либерій измѣнилъ никейскому символу, и въ связи съ тѣмъ—доказательство, что сирійскихъ соборовъ было не пять, а только четыре; далѣе хронологию диспута Фотина, еп. сирійскаго, съ Василиемъ анкирскимъ и остроумную реконструкцію этого диспута (памятникъ рѣдкой способности В. В. вживаться въ мельчайшіе особенности богословскихъ направленій); а въ экскурсѣ: «Реабилитація четырехъ документовъ 343 г.» доказывается, что критика Гезеле, Лангена и Фридриха по отношенію къ этимъ документамъ несомнѣтельна, что они вполне отвѣчаютъ духу времени и обстоятельствъ, а также стилю и характеру Аванасія В.; съ одушевленіемъ указывается, какія живыя краски даютъ эти документы (посланія сердикскаго собора къ папѣ Юлію и къ марсеотцамъ и посланія Аванасія къ клиру церкви въ Александріи и Паремволѣ, и къ тѣмъ же марсеотцамъ). Значеніе «Theodoretiana» состоящихъ почти сплошь изъ детальныхъ дополненій, возраженій и поправокъ къ капитальному труду г. Глубоковскаго, не легко опредѣлить въ короткомъ некрологѣ; но кто проштудируетъ ихъ съ книгой Глубоковскаго въ рукахъ, тотъ кончатъ чтеніе съ отраднымъ сознаніемъ, что этотъ алмазъ нашей церковно-исторической литературы заигралъ еще ярче послѣ окончательной шлифовки его рукой такого мастера, какъ покойный В. В.

Все изложенное нами не болѣе, какъ ἐκ πολλῶν ὀλίγων; истинное понятіе какъ объ изумительной эрудиціи В. В., такъ и объ объективной цѣнности его работъ можно получить только читая ихъ въ подлинникѣ. О выдающихся дарованіяхъ его, какъ лектора, мы уже говорили. Его академическіе курсы, будучи изданы, составили бы безцѣнное пособіе для любого богословскаго и филологическаго факультета. Къ сожалѣнію, такое изданіе, кажется, было бы противъ воли покойнаго. Онъ не «читалъ», а импровизировалъ; въ литографіи существуютъ лишь студенческія записки, имъ неисправленные.

Кладу перо — и въ памяти встаетъ картина похоронъ В. В.... Торжественное служеніе, множество рѣчей въ похвалу покойнаго, Высочайшее собогѣзнованіе, на всѣхъ лицахъ вѣмая скорбь по великой утратѣ—а посрединѣ гробъ, и въ немъ знакомое, блѣдное, мертвое лицо, почти еще совсѣмъ молодое: въ темныхъ волосахъ ни сѣдинки — жить бы да жить человѣку.... Что дѣлать! рѣдко «стоятъ» крупные русскіе люди!

В. Меліоранскій.

2 Іюля 1900 г.